

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СЕЛА РУМЫНИИ: ЖИЗНЬ ПОКОЛЕНИЙ И СУДЬБА ТРАДИЦИЙ

**Лидия Константиновна
Гаврюшина –**

кандидат филологических наук,
научный сотрудник, Институт славяноведения
Российской академии наук.
Ленинский проспект, 32А, Москва,
Россия, 119991.
drevle@rambler.ru

Аннотация

В работе затрагиваются вопросы, связанные с духовными сторонами жизни общин старообрядцев в современной Румынии и с изменениями в традиционной культуре во второй половине XX в. В приведенных рассказах липоване говорят о вере как об основе, на которую опираются и человек, и община в трудных жизненных обстоятельствах. Важнейшей особенностью церковной жизни липован является взаимосвязь церковных обрядов и народных традиций. В частности, мы наблюдаем это в определенной последовательности церковных песнопений и светских песен в течение свадебного обеда (село Мануйловка на Буковине). Однако роль традиций не остается прежней. Так, очевидны различия в отношении к браку с иноверными среди липован разных поколений. Жизнь липован в инонациональной среде, которая в прошлом их объединяла, ныне несет дополнительные риски постепенного исчезновения их собственного культурного пространства.

Ключевые слова

Старообрядцы в Румынии, духовные стороны жизни, церковные и народные традиции, культурное пространство.

THE OLD BELIEVERS' VILLAGES IN ROMANIA: LIFE OF GENERATIONS AND THE DESTINY OF TRADITIONS

Lidia K. Gavryushina –

Ph.D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
Russia, 119991.
drevle@rambler.ru

Abstract

The article deals with the spiritual aspects of life of Old Believers' communities in contemporary Romania and the changes in their traditional culture, which took place during the second part of the last century. People whose stories we present here told us that faith was the foundation, on which both a person and the community could lean on in difficult situations. One of the main peculiarities of the church life of Lipoveni is the intercommunication of church ceremonies and folk traditions. One of the most interesting facts about them in Manuylovka (Bucovina) is the sequence of church and folk songs during the wedding dinner. Nowadays however the role of tradition has changed.

For example, there is a difference between the attitudes of the old and young generation towards the marriage with heterodoxes. Life among the people of another nationality and religion had consolidated the Lipoveni during the past centuries, but now threatens with additional risks of disappearance of their own cultural space.

Keywords

Old Believers in Romania, spiritual aspects of life, church and folk traditions, cultural space.

В предлагаемой работе представлен ряд наблюдений, основанных на беседах с жителями старообрядческих сел нынешней Румынии. В своих рассказах о жизни ушедших поколений, о том, как складывалась их собственная жизнь, в рассуждениях об образе жизни и судьбе молодежи наши собеседники, прежде всего, вольно или невольно отвечают на вопрос о том, какова была и какова сейчас роль в жизни старообрядцев христианской веры, за исповедание которой они столетиями претерпевали гонения, ради которой и оказались в добровольном изгнании и вынуждены были воссоздавать и хранить вековой уклад своего бытия, находясь в инонациональном окружении. Не менее важным для нас являются их замечания, касающиеся роли народной традиции. Прежде всего речь идет о семейно-бытовом укладе, его связи с церковными обычаями, которая являлась неременным залогом сохранения нравственного и духовного здоровья и жизнеспособности каждой общины. Основным материалом для нас послужили беседы с местными жителями. В Добрудже, на юге, это были села Сарикей и Гиндерешть, в Буковине — по большей части Мануйловка, а также Климауцы¹. Посетили мы и хутор Новопокровский в Краснодарском крае.

Как известно, уже с начала XVIII в. по Бессарабии, Буковине и Добрудже начали расселяться липоване — в основном беглые крестьяне из внутренних губерний России. В этих же местах поселяется и часть казаков-некрасовцев — той ветви старообрядчества, которая начала формироваться в период восстания на Дону под предводительством Кондратия Булавина (1707–1709 гг.). После поражения восстания часть донских казаков направилась на Кубань, позднее же границы их расселения расширились, — в них вошли в том числе и дунайские пределы. Имеющие одно

¹ В селе Гиндерешть отмечается как храмовый праздник Вознесение Господне (40-й день после Пасхи); зимний храм посвящен Богоявлению (19 января). В селе Сарикей празднуются Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября), Никола Зимний (19 декабря), Святой Василий Великий (14 января). В селе Мануйловка (Маноля) — Покров Пресвятой Богородицы (14 октября, летний храм), Рождество Иоанна Предтечи (7 июля, зимний храм), Тихвинская икона Богородицы (9 июля, женский монастырь), Воздвижение (27 сентября, мужской монастырь). В селе Климауцы — Успение Пресвятой Богородицы (28 августа), преподобный Сергей Радонежский (8 октября). См. также указания, касающиеся других липованских сел в Румынии, в издании: Prof. Evseev I., dr. Ivanov Andrei, Petuhov Feodor. *Cununa Anului. Месяцеслов (Православный старообрядческий и народный календарь на круглый год)*. Бухарест, 1996. С. 340–341.

вероисповедание и весьма близкие друг к другу в особенностях традиционной культуры, представители двух ветвей старообрядчества, живя в этих краях, несомненно, взаимодействовали друг с другом². Сарикёй стал первым селом, основанным старообрядцами (1740–1741 гг.) на этих землях, ныне принадлежащих Румынии. В свое время здесь были хозяевами и турки, и болгары. Неподалеку от этого села находится сохранившее и по сей день свой восточный облик селение Бабадаг с турецкой мечетью и старинными мавзолеями; по дороге к нему из Сарикёя путешественник может посетить высшую на горе турецкую крепость. Как мы увидим из дальнейшего рассказа, память о временах османского господства жива в памяти нынешних жителей села. В 1916–1918 гг. Сарикёем владели болгары. В селе, по словам председателя местной липованской общины Василия Васильевича Долгина, в ту пору была «строгая болгарская школа»; болгары отличались жестоким отношением к живущим здесь липованам. Так, были известны случаи, когда местных рыбаков вешали лишь за то, что они уходили на промысел слишком далеко от берега³. Липованские села в прошлом нередко меняли своих хозяев, переходя от турок к болгарам; это относится, в частности, к расположенному ныне в Румынии селу Гиндерешть и находящемуся в Болгарии селу Татарница. В.В. Долгин напомнил, что именно выходцами из Сарикёя было основано в 1905 г. на северном берегу Варненского озера Казашко — липованское село в Болгарии.

Отношение местных жителей к Румынии и румынам в целом положительное, если не принимать во внимание упреки в адрес некоторых представителей власти, от которых зависит решение социальных вопросов. Впрочем, встречаются и замечания о недружелюбии по отношению к старообрядцам как якобы представителям советской России: *«Румыны на нас лиходеи, называли нас "большевич", хотели, чтобы мы уехали отсюда»*. Подавляющее большинство местных старообрядцев считает Румынию своей родиной, прежде всего потому, что эти края освящены памятью об их благочестивых предках, поселившихся здесь в XVIII столетии ради спасения православной веры (об этом, в частности, говорит надпись на кресте, установленном не так давно в селе Гиндерешть, на высоком берегу Дуная).

За сотни лет, проведенных здесь, липоване не только основательно устроили свой быт, но и сохранили и воссоздали, пребывая в инонациональном окружении, свою духовно-культурную среду, ядром которой являются десятки храмов и монастырей, нередко примыкающих к русским селам (например, в Мануйловке на Буковине и в Русской Славе в Добрудже).

² А.А. Пригарин говорит о межгрупповой интеграции (некрасовцы-липоване). См.: Пригарин А.А. Переселение некрасовцев из Добруджи в Бессарабию: 1830–1835 гг. // Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте. Вып. 3. Бухарест, 2001. С. 376–377.

³ По-видимому, не желая давать липованам возможность вылавливать много рыбы в озере.

Поэтому и возникающие время от времени попытки «вернуть» местных староверов в Россию рассуждающим здраво представляются бесперспективными — в современной Российской Федерации им не удалось бы «пустить корни», подтверждением чему служит, в частности, не столь давний неудачный опыт переселения старообрядцев из Южной Америки.

Любопытен рассказ тетушки Марии, жительницы села Гиндерешть, о несостоявшемся переселении местных жителей в Россию, в котором о жизни в Румынии говорится как о жизни «в своей стране». Речь идет о кампании 1947 г., когда советское правительство решило привлечь в СССР трудовые ресурсы для восстановления народного хозяйства.

Трудно приходилось в те годы и живущим в Румынии старообрядцам: *«Был у нас голод дуже, не был О хлеба. Так-то рыбы было полно, ели без хлеба рыбу, — знаешь, голод дуже был. Ну, таперь с вашей стороны, с России приехали, записали, — кто в Россию хочет иттить, — совсем жить, жители чтоб были. И наших тьма пошли в Россию. Ну пошли они, пошли... Таперь другая серия — приезжают опять, опять пишут нам и мы записались ... папа, тятенька — ну, позатисались. Много ли у нас в селе — мало оставалось фамилий: одна пошла и другая пойдет. Таперь позатисались, ну таперичи батьки-матки старые говОрют: “Мы пойдём, попа только постановют нам, да пойдём с попом в Россию”. Поставили того самого батюшку — то мой дядька родный. Поставили того батюшку: “И пойдём и мы за им в Россию на жизнь, тут голод у нас был страшный. Пойдём!”.* Багажи уже складаем, управляем хаты... *Когда отъезжали — продавали другим. Ну и что-то переворота была там и нас не взяли. И так мы остались тутотка — в своей стране — до этих пор, а хотели все в вашу страну...».* Этот рассказ лишний раз подтверждает, насколько близки понятия общины, с одной стороны, и Церкви, с другой, в сознании старообрядцев. Любые изменения в устройении общественного быта, в том числе, как это мы видим здесь, — переселение — становятся возможными лишь при условии должного устройства церковной жизни. Церковное начало во многом определяет общественное, следствием чего становится крепость бытового уклада, которая, в частности, отличает до сих пор и русские села в Румынии.

В связи с приведенным выше рассказом следует напомнить также, что среди липован тогда было немало и тех, кто, решившись на переезд, оказался в России. Так, в октябре 1947 г. старообрядцы из сёл Сарикёй, Русская Слава, Черкесская Слава, Каркалиу прибыли в Херсонскую область, откуда часть из них, в основном рыбаков, поселилась в селах Астраханской области, в Харабалинском и Камызякском районах (села Речное и Успех). Другая часть переселенцев присоединилась к общинам Краснодарского края (хутор Новопокровский) и Грузии⁴. Следствием этого переезда зачастую

⁴ Подробнее см.: Зудин А.И., Власкина Н.А. Русская связь: история и культура старообрядчества юга России и зарубежья. Приморско-Ахтарск, 2016. С. 6–7.

становилось разделение семей — среди родственников, оказавшихся по разные стороны границы, многим не суждено было больше увидеться. Да и самых близких людей могли, не задумываясь, отправить в разные места.

В хуторе Новопокровском нам удалось побеседовать с двумя бывшими жительницами села Черкесская Слава: они рассказали немного о том, как их семьи добирались до Краснодарского края. Речь сначала зашла о крещенских гаданиях. «Да, под Крещение гадали...под старый Новый год... В Крыму — там же церкви не было, службы никакие не было, — гадали», — с улыбкой говорит тетушка Феня, вспоминая о скитаниях своей семьи после прибытия ее на историческую родину. «С Асканьи — в Крым, из Крыма в Грузию мы поехали...» «Из Грузии уже сюда мы приехали, — подхватывает тетушка Татьяна. — В Крыму мы не были, а мы были в Херсоне, Аскания-Нова». «Мы тоже были в Аскания-Нова, — продолжает тетка Феня. — А потом же вербовали у Крым... Фросю берут, а Максима оставляют, а у ей дети маленькие. Тятюку берут и Василья берут, а мамку оставляют с детьми. Подогнали машину и всех гуртом посадили и уехали, а тятюку оставили с коровой в Аскания-Новой».

Несомненно, представляет интерес вопрос о соотношении уровня сохранности устной культуры среди липован, оставшихся в Румынии, с одной стороны, и переехавших в Россию, с другой. В процессе полевой работы нам удалось познакомиться с рядом образцов певческой культуры, сохраняющихся в среде старообрядцев Черкесской Славы и тех, кто перебрался оттуда в Россию, а именно, в хутор Новопокровский. Вспоминая песню «Вдоль по морю», исполнительницы и одного, и другого села не были вполне тверды в знании текста, однако на основании обеих записей можно было в какой-то степени его реконструировать. Вот что было напето в селе Черкесская Слава (с явными пропусками):

*Вдоль по морю
Плывет стадо лебединое.
А у лебедя золотая голова,
А у лебедки спозолоченная,
Черным шелком отороченная.
Откуль взялся млад сизой орел.
Убил-сгубил белую лебедушку,
Разбрызнул кровь по синему морюшку.
А перушки по дубровушке.
А мелкий пух на подушечку.*

На хуторе Новопокровском:

*Вдоль по морю плывет стадо лебединое.
Плывет лебедь за лебедушкой.
А у лебедя золотая голова,
А у лебедки позолоченная.*

*Откуль взялся млад сизой орел,
Убил-сгубил белую лебедушку,
Под самую белу крылышку.
Разбрызнул кровь по синему морюшку,
А белый пух по чистому полюшку.
Сбирала пух красна девица-душа
Своему дружку на перинушку,
А детищу на подушечку.*

Этот пример, помимо прочего, еще раз подтверждает, что независимо от места проживания ее носителей, традиционная певческая культура в старообрядческой среде, как и повсеместно, постепенно разрушается, — прежде всего, из-за ее не востребоваемости в самих общинах — например, свадьбы старинным «чином», с обрядовыми песнями, играют в липованских селах всё реже.

Однако вернемся к «устной прозе» старообрядцев Добруджи. Богатый местной диалектной лексикой рассказ тети Фени, одной из старейших жительниц села Сарикёй, интересен прежде всего тем, что на примере жизненного пути одного человека ставит вопрос о необходимости крепкой личной веры, без которой было невозможно выживание в «иноконфессиональном окружении» всего сообщества русских переселенцев. Речь идет о том, как старообрядка, молодая девушка, вынуждена была спасаться бегством из своего рода турецкого плена. Еще будучи девочкой, она находилась в услужении у турок, живших в турецком районе города Тульчи (турецкая магала). Когда турки стали покидать эти места, возвращаться в Турцию, они ее украли, и ей пришлось прожить у них несколько лет. Когда же она повзрослела, хозяева пожелали выдать ее замуж за турка, на что она ответила отказом, поскольку была христианкой, и стала искать способ бегства. Ей помог живший в городе христианин, который вывел ее на дорогу, ведущую в Болгарию, потом же ей показали дорогу в Румынию, однако найти родных ей не удалось, и она умерла в больнице.

Это семейное предание, хотя оно совсем невелико по объему, в известной степени берет на себя роль предания народно-исторического, поскольку повествует о конкретном периоде в жизни русских переселенцев в этих местах. Вместе с тем в образе липованки, с детских лет твердо стоящей в христианской вере и способной перенести за нее немалые страдания, ясно выражен народный религиозный идеал: «...*Джамия (мечеть) эта, турки у Тулчи (есть)... И была девочка, ее (подруги рассказчицы, Фетиньи. — Л. Г.) как племянница, маткина от сестры. Так и говОрют: турецкая магала. И чичас все говорят: турецкая магала. Там турки жили... Ну и там ихний же этот... Девочка тая всё время приходила к йим... И она когда... брали их же всех турков у туретчину, — они украли эту девочку, християночку. Она всё время коло их была, — нянчила детей. И украли. Но таперь, когда она уже выросла, там, уже девка, нашолся у ей, там уже... Они говОрют:*

“Мы тебе отдадим за турка”. Она почала плакать: “Как, я христианка, крещеная, че я пойду? Я не пойду никуда, я буду так жить”. Таперь один тама, у тым городе, жил всё христианнин. Она выйдець на гору тую, да сама и глядит. А он знал ее, да говорит: “Доча, че ты глядишь самой дороги этой?” Она говорит: “Ты христиЯнин?” Он говорит: “Я христианнин”. “Наряди меня на путь. Я хочу утечь у Романию. Я христианка. Они мне хочут отдавать замуж, а я не хочю. Они же денег хочут. Еще христиЯнка, денег взяли бы.” Он г(овО)рит: “Постой, пойдем, я тебе покажу шушаву (дорога, асфальт), перше (сначала) на Булгарию — (от турчин, от турка-Булгария же, они граничут с Булгарией — пояснение тети Фени). Я тебе покажу. Ты лесом будишь иттить, а отдаля шушавы. Отдаля, а то они будут бегать, шукать тебя. А ты иди отдаля, но только ночем (ночью), а днем где-нибудь хоронися, чтоб не видали, а то убьют”. Тапериче она — это фетиньина племянница, — таперь она ишла усе время, утекла... утекла. Вот всё. Ноч(ь)ю она утекает. Сказала: “Никто мне не стрелся, никакой пагуба”. И пирашла (перешла) она у Булгарию. Когда пирашла у Булгарию, только тогда попросила кусочек хлеба, там у какей (-то) жєницины: “Дай мне кусочек хлебушка, я вот так...” Ноги у ей усе у ранах. “Я, говорит, это вот...” И она, эта жєница, провела до Романи до нашей. А там как от границе (так), там шпиталь (больница) есть, знаешь. Есть тамотка один городок прям(о). И она дотєда как дошла, яё провали, усе дали ей слободу. А когда она...на ноги упала...И она там говорила усем, — не могла добитсья до рОды (не могла найти родственников). Померла там у шпитали. У тей у шпитали. От туретчины пирашла».

Беседы с липованами — как на севере Румынии, в Буковине, так и в Добрудже — позволяют сделать некоторые наблюдения, касающиеся не только вопросов веры и роли церкви в жизни прежних и современных липован, но и конкретных особенностей церковной дисциплины, которые, как мы могли убедиться, для них немаловажны. Ее требования, по всей видимости, выше, чем предъявляемые к староверам белокриницкого согласия в России. Прежде всего это касается ответственности родителей за поведение детей. В Мануйловке, на Буковине, мне рассказывали, что их старый священник (находящийся теперь на покое) накладывал епитимьи на родителей тех детей, которые ходили на дискотеку, и тех девочек, которые позволяли себе ходить по улице в брюках, а не в юбке. Однако ответственность родителей, как оказалось, остается столь же высокой и в случае, если дети — уже взрослые и самостоятельные люди. Здесь следует заметить, что проблема инационального (и иноконфессионального) окружения для липован — это зачастую проблема жизни не только в Румынии, но и за ее пределами, в европейских странах, куда массово уезжает на заработки молодежь. Там молодые люди, отнюдь не переставшие считать себя принадлежащими к старообрядческой Церкви, встречаются с соблазном устройства личной жизни с иноверцами и решают этот вопрос, в отличие от героини рассказа

тети Фени, положительно, что во многих случаях тяжело переживают, равно как и их родители. Одна из липованок рассказала, что не может — из-за наложенной на нее епитимьи — молиться вместе со всеми во время службы, но должна стоять в притворе храма, поскольку ее дети, находящиеся на заработках в Европе, «живут блудно». Она, однако, надеется, что дочь ее (разделяющая ее надежды) найдет способ уговорить своего избранника перейти в старообрядчество и заключить церковный брак.

Как мы видим, сохранение основ традиционного семейно-бытового уклада — один из наиболее важных и вместе с тем болезненных вопросов для современных липован, и это вполне понятно, поскольку этот уклад веками был как важнейшим свидетельством веры, так и основой выживания старообрядческих сообществ, в том числе и в тяжелейших условиях гонений и жизни на чужбине. Липоване, с которыми довелось беседовать, отмечают изменения традиционного образа жизни, поведения молодежи за последние десятилетия. Так, в Мануйловке мне рассказали, что довольно значимым рубежом в этом отношении является так называемая революция (имеется в виду свержение режима Н. Чаушеску). В предшествовавшие ей годы гораздо более строго соблюдалась чистота добрых взаимоотношений, не существовало понятия «пробный брак». После «революции» стали исчезать и некоторые традиции, касающиеся семейного быта, в частности, обычай, когда все собравшиеся за столом члены семьи едят из одной посуды. В селе Гиндерешть поведали о любопытном обычае — приготовлении «красной водки» свекровью на второй день свадьбы, перед тем, как молодые пойдут к матери невесты. Угощая ею односельчан, вновь созданное семейство свидетельствовало о том, что молодая «была честная». Приводим здесь отрывок из беседы с Анной Платон, жительницей этого села: *«Рано (утром второго дня свадьбы), молодые когда устают (встают), ну уже красную водку пьют — молодая же какая бывает, красная или не красная, чи зеленая. Ну, свекор, свекруха обед готовят. Угостятся же, проздравить молодых с законным браком... и после идет молодая — ленты перевешивали красные, бутылку водки красной, банту красную и идет — красная девка была. Не свяжут ленточку так бравенько (красиво), а ... банту делают. Сделают и идут по улице — сват, сваха, молодые... Сватья ведут молодых домой к молодой (к молодой), к матке. Матка встречает. Ну, раньше курицу готовили. Сварют курицу, и там... ну, покладет на стол курицу. И че она, теща, ему говорит, молодому. Там чего скажет, — “благодарный был дочке, неблагодарный... Починай, как починал”. Он раздерет курицу тую и кушают... Молодой же стыдно...»*. Моя собеседница не преминула отметить, что обычай, который был жив во времена, когда она выходила замуж, теперь уже исчез. Однако исчезновению обычая соответствует, по ее мнению, и перемена нравов: *«Раньше так было стыдно, таперь ни стыду, ни красной водки, — ничего нема таперь»*.

В том же селе Гиндерешть (оно же — по-русски — Новенькое) мне не раз показывали любительские фильмы, снятые на местных свадьбах. По-видимому, снимать такие фильмы стало одним из новых обычаев; они запечатлевают весь ход этого торжества, в том числе и пение свадебных песен. Явным диссонансом к старинным русским песням звучат «осовременивающие» подобные ролики иноземные мелодии. В качестве положительного момента следует отметить, что, например, свадебную песню «*Не трубушки трубят рано по заре*» (приуроченную ко времени, когда девушки приходят к молодой «косу плесть») действительно поют, хотя и с акцентом, молодые подруги невесты, очевидно, не без трудностей для себя перенимающие навыки пения у своих родителей и бабушек. Один из таких фильмов подробно рассказывает о венчании молодых и заключении брака, который, увы, через некоторое время был расторгнут. Воспитанным в строгости традиции липованам подобные события, разумеется, кажутся почти невозможными. Анна Платон, говоря о своем (и традиционном) отношении к разводу, говорила, вспоминая об обычае разбивать во время венчания стакан, из которого пьют жених и невеста: только если сможешь собрать осколки и составить из них стакан, то тогда развод.

В жизни современных липован появились разводы, однако и свадеб становится, по наблюдениям моих собеседников, меньше, просто потому, что меньше рождается детей. Говоря о предсвадебных обычаях своего села, Анна посвятила большую часть своего рассказа так называемой «галушке», которая «делалась» прежде девичника и состояла в том, что молодая, нарядившись, проходила по селу, символически «прощаясь» с родными, одаривая их специально приготовленными платочками, «косиночками». «*Девичник — собираются девки, а галушка, это — пройдет по селе молодая надетая. По селе идут, песни играют, калач несут*». Анна отметила, что 40 лет тому назад, когда она выходила замуж, венчались восемь пар. Было и одновременно восемь галушек и, идя по селу, соревновались, кто звонче будет петь. Теперь повстречать в селе несколько «галушек», увы, было бы невозможно.

Свадебные традиции, сохранявшиеся до последнего времени в старообрядческих селах Румынии, представляют собой, с нашей точки зрения, редкий теперь пример единства народного и церковного начал, их взаимного соответствия. Нельзя не отметить особого отношения к впервые вступающим в брак: священник приходит за новобрачными (сначала в дом к молодому, затем вместе с ним идет за невестой) и ведет их в храм. По свидетельству жителей села Мануйловка, в день венчания — в церкви, где молодые стояли обедню, им первым подносили просфоры; из церкви (в том случае, если брак был первым для обоих) священник вел молодых в дом жениха в венцах. Целый день молодые считались «князем и княгиней»⁵. В селе

⁵ Назарова М. Местные особенности свадебного обряда у русских-липован Румынии // Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте. Бухарест: Критерион, 2001. С. 301.

Гиндерешть об особом положении в этот день жениха и невесты было замечено: *«Был и он (то есть жених) 15 минут царем»*. Как рассказывает одна из жительниц Климауц, у них в селе во время венчания на престол клали не только венцы, но и кичку.

Довольно цельную картину представляет собой — в том виде, в котором он был описан местными жителями, — свадебный обряд в селе Мануйловка, которое заметно выделяется среди других сел высоким уровнем освоения церковной грамоты и крюкового пения большинством сельской общины, в том числе и молодежью. На примере некоторых деталей свадебного обряда этого села можно проследить очевидную связанность, причем именно иерархического характера, церковно-народной традиции и семейно-бытовой обрядности. Остановимся здесь на одном обстоятельстве. Интересно — и об этом мы слышали в Румынии пока что только от жителей Мануйловки, — что существовала определенная взаимосвязь между чередой подававшихся на свадебной трапезе блюд и исполняемых песнопений или же светских песен. Когда садились за стол, пели стихеру Покрову *«Наста днесь»*. Первым блюдом на свадебном обеде был так называемый аперитив (закуска, обычно в виде студня). Жители села отмечают, что *«на первой страве»*, то есть после подачи первого блюда, ничего не пели. На *«второй страве»* пели литию храму (в честь храмового праздника), то есть литию Покрову, или *«второму престолу — Иоанну Предотече»*. В это же время пели духовные стихи (*«могли стихов спеть, кто знал»*). Лишь после второй или третьей «стравы» шли кататься на лошадях, и только вернувшись, начинали петь мирские песни, среди них — песню *«Наехало полный двор бояр»*. Подарки молодым гости подносили после того, как в тарелки наложат лапшу — одно из традиционных свадебных блюд (лапша подавалась с маслом): *«Когда лапшу покладают, дорют молодых»*. Таким образом, на свадебном обеде друг за другом следуют два подчиненных один другому пласта певческой традиции — богослужебные песнопения (литейные стихеры) и духовные стихи, после них поются народные песни. Замечание одной из исполнительниц свадебных песен также обращает наше внимание на свойственную традиционной культуре и, в частности, культуре пения, иерархичность: *«Тогда начинали песни не без порядку. Теперь немай знают (то есть не знают — Л. Г.), что делают»*.

Жизнь в инонациональном окружении, разумеется, отразилась на особенностях речи липован. Для нее характерно свободное употребление румынских заимствований, которые определенным образом встраиваются в грамматическую систему, говоря условно, русской речи: *«с этого трендафилу делают дульчас»* (из этой розы делают варенье), *«тягают аларму на трену»* (останавливают стоп-краном поезд). Однако румынская лексика — лишь одна из сторон своеобразия липованского диалекта как диалекта русского языка, изобилующего, в частности, своеобразным словоупотреблением (*«наперед кады идтить — прежде чем идти»*), особенностями

грамматики (*«по хатах», «по селе», «по однем стакану», «с хлебом-солем»*), включающего в себя также и заимствования из украинского и турецкого языков. Некоторые липоване достаточно ясно осознают, что пребывают как бы в трех речевых сферах — русской, собственно липованской и румынской. Пример — замечание одной из жительниц: *«по вашему — кладбище, по-румынски — сентирум, по нашему — могилки»*. На мой взгляд, частота употребления румынских заимствований в речи старшего и среднего поколения липован неодинакова как в разных селах, так и у разных носителей традиции. Следует отметить, что представители среднего поколения, даже если они профессионально занимаются умственной деятельностью (учителя, врачи), как правило, не владеют русским разговорным языком (постоянно общаясь на румынском), однако усваивают от родителей липованское наречие (оно используется по необходимости, в частности, при общении с гостями из России). Что же касается молодежи, то, к сожалению, многие молодые люди, прежде всего живущие в городах, полностью утрачивают навыки родной речи. Вероятно, решающую роль играет здесь отсутствие контактов именно с людьми старшего поколения как носителями и языка, и липованских традиций в целом. В свете этого обстоятельства заслуживают особого внимания попытки приобщения молодого поколения к сохраненному ими культурному наследию. Одна из таких попыток — уроки местного народного пения в румынской школе села Мануйловка, которые проводила учительница русского языка. Посещавшие эти уроки усваивали образцы певческой культуры, которой владели их бабушки. И хотя на исполнении песен сказывались уже отмеченное отсутствие — или недостаток — навыков родной речи, хотя румынский акцент при пении очень заметен, это начинание, ставящее своей целью поддержание угасающей традиции, можно только приветствовать. Тем более, что такие, вполне верные представления о народной песне как явлении традиционной культуры, какие прививались русским учащимся мануйловской школы, по нашим наблюдениям, — редкость в среде тех, кто по долгу службы занимается в липованских селах «русским фольклором».

В праздник Вознесения Господня в селе Гиндерешть во второй половине дня начинаются «народные гулянья», отправной точкой для которых служит клуб (называемый по-румынски «камин»). Здесь же располагается центр местной липованской общины. Собравшись, группа девушек в одинаковых, ярких псевдорусских костюмах начинает свое шествие по селу в сопровождении аккордеониста. Легко догадаться, что исполняемые ими песни, как правило, — адаптация местных напевов к «клубной культуре». Посмотреть на праздничное шествие выходят очень многие, однако почти никто не присоединяется, хотя такой вариант, очевидно, предполагается. Это именно мероприятие, клубная самодеятельность. Знатоки старинных песен сидят по домам, и именно в этот день нам удалось собрать нескольких из них для записи. В этот же день довелось познакомиться с прежде не

встречавшимся в липованской среде явлением — предпочтением индивидуального исполнительства общему пению. Одна из жительниц села, на которую нам указали как хорошо знающую, в частности, свадебный репертуар, была готова только исполнять известные ей песни, сколько бы времени ни потребовалось. Однако при этом она не была расположена к тому, чтобы звать соседок или, наоборот, идти к ним, чтобы попеть вместе. В возникающих в среде староверов стремлениях такого рода нам видится начинающая проявлять себя тенденция к подмене основных принципов народной культуры. О ней свидетельствует уже само по себе изменение в представлении крестьянки о значении пения в ее жизни, ведь совместное и в большинстве случаев многоголосное пение всегда было прежде всего духовно значимым общением в кругу семьи и односельчан. Поскольку в семье певицы активно пользуются компьютером, у нее была возможность распечатать тексты известных ей песен, но что особенно примечательно — напечатаны они румынской графикой. Ниже приводим неполный текст полученной нами копии записи свадебной песни «*He no vyshnemu galuska letala*»:

*Ni pa visimu galuska litala
 Da lioli-lioli, galuska litala.
 Ni pa visimu Irinuska hadila
 Da lioli-lioli, Deameanovna hadila.
 Di zalatimi, ona kliuciami zvanila
 Da lioli-lioli, kliucami zvomila.
 Di radimava ona tiatinku v-zbudila,
 Da lioli-lioli. tiatiniku v-zbudila.
 Di I ustani, prasnisi teatinika radimii
 Da lioli-lioli, teatinika radimii.
 Di ni vek nam s-taboi, teatinika vekavati,
 Da lioli-lioli. teatinika vekavati
 Da pasledneiu za nociusku nacivati
 Da lioli-lioli, nociusku nacivati...*

Отметим, что подобный способ записи встречается нам не впервые. В селе Мануйловка одна из жительниц использовала при исполнении имеющийся у нее рукописный текст лирической песни «*Слава Богу, вина напилася*», также записанной румынскими буквами.

Говоря о «клубном фольклорном творчестве», широко распространенном в липованских селах, следует отметить явную опасность, прежде всего, вытеснения традиционного фольклора обработками музыкального материала и исполнением псевдонародных песен. Это делается в угоду неким ценителям «русскости», которую на официальных мероприятиях должны демонстрировать старообрядцы как национальное и конфессиональное меньшинство. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что в современных условиях в ряде случаев старообрядческие общины становятся объектом специального туристического интереса. Это — одно из следствий их пре-

бывания в инонациональном окружении, а вместе с тем и еще одна ступень к забвению наследия предков и к угасанию традиции. Приведем характерный пример. В 2009 г., будучи участниками конференции, организованной Общиной русских-липован в Румынии, мы посетили старообрядческое село, расположенное на одном из островов на Дунае (так называемая 23-я миля). Наш теплоход встречали взрослые и дети с хлебом-солью и с пением. Это были всё те же псевдонародные песни, однако, повторю, мы слышали пение. Плавание в эти края было совершено и во время следующей конференции, в 2013 г. Теперь на 23-й миле нас также встречали взрослые и дети, но они уже не пели, зато из громкоговорителей раздавалась оглушительная «музыка» неизвестного, отнюдь не русского происхождения.

В заключение следует отметить, что в старообрядческих селах Румынии, где условия для сохранения традиционной культуры были в XX столетии в целом более благоприятны, чем в России, жители среднего и старшего поколения за последние десятилетия стали свидетелями стремительного исчезновения целого ряда народных традиций, прежде всего связанных с семейно-бытовым укладом. Что касается свадебного обряда, то в случаях, когда в нем участвуют молодые люди (например, отмеченное выше заплетание косы невесте ее подружкой), мы имеем дело в большей степени не с бытованием, а с воспроизведением обряда, который воспринимается как украшение праздника, как дань старине. И в этом случае мы вынуждены повторить, что рожденные народом песни уходят из жизни народа, даже оставаясь в его памяти.

Важно не забывать, что старообрядческое мировоззрение обладает существенной особенностью — это система ценностей, которая не должна меняться в угоду каким-либо внешним обстоятельствам, не может «подстраиваться» под меняющиеся мнения и взгляды «толпы». Тем более болезненно переживают тенденцию к «обмирщению» жизни, а вместе с ней и явное «падение нравов» липоване старшего поколения. Исчезновение же отдельных местных обычаев они справедливо рассматривают как отмирание тех форм, которые уже нечем заполнить. Нельзя не заметить, что своими рассказами они, отнюдь не стремясь к этому, указывают на определяющую роль веры и трезвого церковного сознания как условий «духовного выживания» для своих земляков, прежде всего живущих на чужбине. В последние десятилетия пребывание в инонациональном окружении из фактора, который не одно столетие способствовал упрочению народных традиций, внутренней духовной целостности старообрядческих сообществ, стало превращаться в фактор риска для их будущего, прежде всего потому, что за ним стоит опасность и физического, и духовного рассеяния молодого поколения, опасность утраты им как веры, так и навыков владения родным языком, а вслед за этим и осознания — как своего — духовно-культурного пространства старообрядчества.

Литература

1. Зудин А.И., Власкина Н.А. Русская связь: история и культура старообрядчества юга России и зарубежья. Приморско-Ахтарск: [б.и.], 2016.
2. Назарова М. Местные особенности свадебного обряда у русских-липован Румынии // Культура русских-липован (русских старообрядцев) в национальном и международном контексте. Вып. 3. Бухарест: Критерион, 2001.
3. Пригарин А.А. Переселение некрасовцев из Добруджи в Бессарабию: 1830–1835 гг. // Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте. Вып. 3 / ред. С. Молдован. Бухарест: Критерион, 2001.
4. Evseev I., Ivanov A., Petuhov F. *Cununa Anului*. Месяцеслов (Православный старообрядческий и народный календарь на круглый год). Бухарест, 1996.

References

1. Evseev, I., Ivanov, A., Petuhov, 1996. *Cununa Anului. Mesaceslov (Pravoslavnyj staroobradceskij i narodnyj kalendar' na kruglyj god)* [*Cununa Anului. Menologium (The orthodox folk calendar of old believers for the whole year)*]. Bukharest: [s.n.].
2. Nazarova, M., 2001. Mestnye osobennosti svadebnogo obriada u russkikh-lipovan Rumynii. In: Moldovan, S., ed. 2001. *Kul'tura russkikh staroobriadtsev v natsional'nom i mezhdunarodnom kontekste*. Vyp. 3. [The culture of Russian Old Believers in the national and international context. Issue 3]. Bukharest: Kriterion.
3. Prigarin, A.A., 2001. Pereselenie nekrasovtsev iz Dobrudzhi v Bessarabiiu: 1830–1835 gg. In: Moldovan, S., ed. 2001. *Kul'tura russkikh staroobriadtsev v natsional'nom i mezhdunarodnom kontekste*. Vyp. 3. [The culture of Russian Old Believers in the national and international context. Issue 3]. Bukharest: Kriterion.
4. Zudin, A.I., Vlaskina, N.A., 2016. *Russkaia sviaz': istoriia i kul'tura staroobriadchestva iuga Rossii i zarubezh'ia* [Russian connection: the history of old believers of the south of Russia and foreign countries]. Primorsko-Ahtarsk: [s.n.].